

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ЗАУРАЛЬСКАЯ ЭПОПЕЯ XVI ВЕКА

В. Д. Назаров

XVI столетие — сложное, трудное и во многом переломное время в истории России. Прошло уже несколько десятилетий с того момента, когда в результате длительной и героической борьбы русского народа было окончательно свергнуто татаро-монгольское иго. Этот факт имел огромное значение для успешного развития экономики и культуры страны. Не меньшее влияние он оказал и на внешнеполитическое положение Русского централизованного государства, политика которого стала одним из главных факторов международной жизни в Европе. Быстро растущая мощь Русского государства позволила ему поставить вопрос о восстановлении своих исторически сложившихся позиций в Прибалтике и в Поволжье, приступить ко вторичному освоению лесостепных и степных пространств на юге, постепенно готовить почву для воссоединения русского народа с украинским и белорусским народами.

Но это еще не означало, что была окончательно ликвидирована угроза территориальной целостности страны со стороны правящих сил соседних государств. По-прежнему враждебными были действия казанских и крымских феодалов, стоявших во главе ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Постоянные набеги крымских и казанских «воинских людей» приводили к опустошению обширных русских районов в восточной, юго-восточной и южной частях страны, к угону в плен и рабство больших масс крестьян и городских жителей. Борьба с этими грабительскими походами требовала напряжения всех народных сил, дорого стоила простому люду и вписала немало героических страниц в летопись народной жизни. И хотя изменившееся соотношение сил уже не позволило правящим группам отдельных ханств ставить в качестве реальной цели реставрацию ига, военные действия их коалиции могли таить подобную угрозу. Угроза была тем большей, что с 20-х годов XVI в. Османская империя перешла к политике подчинения татарских ханств в Восточной Европе, стремясь сколотить союз, направленный против России в Европе и Ирана в Юго-Западной Азии. Присоединение в 50-е годы XVI в. Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству хотя и укрепило его тылы в преддверии борьбы за выход к Балтийскому морю, однако не изменило враждебного курса феодальной знати Крымского ханства. Свидетельство тому — крымско-турецкий поход на Астрахань в 1569 г. и набеги войск крымского хана Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах.

Агрессивные планы возникали не только у татарских феодалов. За последние восемь лет Ливонской войны (1558—1583 гг.) волна подобных же замыслов буквально захлестнула кабинеты и канцелярии государств Восточной Европы. Немецкий авантюрист, бежавший из России в 1576 г., Генрих Штаден составляет последовательно в 1578—1581 гг. три проекта частичной или полной аннексии России, адресуя их бывшим властям Немецкого ордена, австрийскому императору и шведскому королю.

Несмотря на тяжелейшую обстановку в стране, именно в то время народ России открыл новую главу в летописи своих деяний. То было присоединение и освоение Западной Сибири. Русские крестьяне и ремесленники, казаки и стрельцы в последние десятилетия XVI и первое десятилетие XVII в. заложили прочные основы хозяйственного и культурного прогресса этого огромного, потенциально богатейшего, но тогда очень отсталого края.

1. Навстречу солнцу

Порой бытует заблуждение, что Сибирь была открыта русскими людьми лишь в последней трети XVI столетия. Это неверно. Экономические, культурные и политические связи народов Зауралья с населением Восточной Европы уходят в глубь веков, в пласты неписьменной истории. Письменные источники отмечают стародавние экспедиции славян к «Гиперборейским рубежам». В XI столетии ватаги новгородских дружинников прочно обосновались на землях Заволочья и Печорском пути. Обладание последним открыло перед ними дорогу в «полунощные страны» через Камень (то есть Уральский хребет) в легендарную Югру и Самоядь. Сметливые и упорные новгородцы «непроходимыми пропастьми, снегом и лесом», через Камень, через «места пустые, где людей нет», добирались в эту таинственную страну. В конце XI — начале XII в. первые экспедиции новгородцев побывали за Югрой и Самоядь¹. Западные и восточные склоны Уральского хребта привлекали новгородских бояр и купцов «собольми, и горносталями, и черными кунами, и песцы, и белыми волки, и рыбьими зубы». Путешествие в эти труднодоступные районы требовало добротного снаряжения, немалою числа людей и серьезных затрат. А потому в такие экспедиции отправлялись отряды «охочих людешек», новгородских молодцев, посылаемых богатыми купцами, или же дружины знатных новгородских бояр. Вслед за ними на новые земли двинулись данщики Великого Новгорода.

В течение XII—XIII столетий путь за северными богатствами уже прочно установился. Он шел рекой Сухоной, затем Вычегдой и через волок переходил в левые притоки Печоры, по правым притокам которой можно было подняться на Камень. После новой переволоки путники спускались по левым притокам Оби. Эта традиционная дорога, получившая в XVI—XVII вв. название Чрезкаменного пути, была хорошо освоена в давние времена. Экспедиции новгородцев иногда проникали в места поселения западносибирских народов. Так, в 1364 г. отряды новгородцев, перевалив через Камень, выплыли в Обь, где разделились. Одна партия «воеваша по Оби реке до моря», а другая — «наверх Оби воеваша»².

Хотя новгородским ватажникам принадлежит честь открытия путей в Северные Зауралье и на Обь, но не Новгород, а Московское княжество, ставшее во главе процесса складывания Русского централизованного государства, сумело в конечном счете включить далекие сибирские земли в состав своей территории. Еще в XII в. князья Владимиро-Суздальской Руси хорошо понимали экономическое значение северных земель и дорог в Зауралье, начав за них борьбу с Новгородской республикой. Однако татаро-монгольское нашествие на время резко ослабило политические позиции северо-восточных русских княжеств. Правда, в далекие районы, недоступные для татарских «злых и скорых» ратей, в тот период устремился поток крестьян-землепашцев. Важной вехой было освоение ими Вычегодско-Вымской области (Малой Перми) в последней трети XIV века. Опираясь на нее, русские землепроходцы постепенно продвигались в бассейн Печоры и Верхней Камы, на подступы к Сибирской земле. Вслед за крестьянами и ремесленниками, промышленниками и охотниками на вновь осваиваемых землях появлялись представители великокняжеской власти, церковных и светских феодалов. Завершение складывания единой территории Русского централизованного государства во второй половине XV в. сопровождалось более активными действиями в Зауралье и Пообье.

В 1465 г. Иван III отправил отряд устюжанина Василия Скрябы в Югорскую землю. Трудный поход предприняли «хотячи люди» да «князь Василий вымский Ермолич с вымичи и вычегжаны». Рать, «шедши», Югорскую землю «воевала» и «за великого князя привела». В Москву были доставлены «югорские князьки» Калпак да Течник (представители местной родоплеменной верхушки), которых Иван III «пожаловал Югорским княжением», «дань на них возложил и на всю землю Югорскую». Через два года небольшой отряд вятчан воевал землю вогулов³.

В 1483 г. московское правительство предприняло крупный поход. Рать состояла из детей боярских и воинов из Вологды, Устюга, Выми и Великой Перми под командо-

¹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. «Научные труды». Т. III, ч. 1. М. 1955.

² Там же, стр. 74.

³ Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950, стр. 86.

ванием князя Ф. С. Курбского и И. И. Салтыка-Травина. В конце апреля отплыл отряд из Вологды, а 9 мая — из Устюга. Сражение с воинством мансийского князька Асыки и его сына Юмшана произошло в конце июля на Усть-Пелыми и закончилось полной победой русских ратников. Оттуда по Тавде московское войско спустилось в Тобол, затем в Иртыш и поплыло вниз по Оби. В результате этого похода большая группа «вогульских и югорских князей» обратилась с челобитьем к Ивану III, а тот «за себя их привел, и дань на них уложил, да пожаловал, отпустил их восвояси». Один из упорнейших противников Москвы, кн. Юмшан, «по печалованию» пермского епископа Филофея получил «опас» на проезд и в 1485 г. прибыл в Россию. Он также подчинился сюзеренитету московского князя, начав «с тех мест (то есть с того времени.— В. Н.) дань давати...»⁴.

Таким образом, следствием похода было установление даннических отношений с населением Северного Приуралья и Левобережья Оби. Но походы 60—80-х годов не привели к присоединению и освоению Сибири. Зависимость местных племен от России была в значительной степени формальной и ограничивалась нерегулярной уплатой дани. Хотя к концу XV столетия русским были известны два пути в Сибирь (один — из бассейна Печоры, другой — из верховьев Камы), ни один из них не гарантировал надежной и быстрой связи. Печорская (Чрезкаменная) дорога пролегла слишком далеко от Москвы и других крупных центров, в малонаселенных и труднодоступных местах. К концу XV — началу XVI в. относится основание первого укрепленного городка на Печоре — Пустозерска. Немногочисленные артели промышленных людей располагались на Печоре только на сезон, а укоренившееся здесь население было еще очень небольшим. Оно кормилось «зверем да птицею, да рыбью, да травую, да ребиновым листом», не видя месяцами хлеба, круп, овощей. Понятно, что Печорский край не сумел бы обеспечить даже на первых порах интенсивный поток колонистов в Сибирь.

Более удобный и короткий путь лежал за Урал из верховьев Камы. Но и Великая Пермь (область по Верхней Каме и ее притокам) не могла служить в конце XV столетия надежной базой для продвижения в Сибирь. Кратчайшая дорога в этот край из центра по Оке, Волге, Каме прерывалась землями Казанского ханства. Русское население в Перми и местные племена, вошедшие в состав Русского государства, подвергались постоянным нападениям со стороны казанских феодалов. Трудность сношений с центром страны, небольшая плотность населения, слабое освоение земель в Перми не позволили и ей в конце XV — первой половине XVI в. сыграть ту роль в освоении Западной Сибири, которую она исполнила полвека спустя. К тому же успешному освоению русскими людьми Западного Приуралья и Сибири в то время препятствовало Сибирское ханство, войска которого разоряли и жгли русские поселения по Верхней Каме, уничтожая местное население⁵.

2. Россия и Западная Сибирь до 1580-х годов

Бескрайние просторы Западной Сибири в XVI столетии были малозаселенной и плохо освоенной в хозяйственном отношении территорией. На Крайнем Севере, в районах вечной мерзлоты и тундры, обитали немногочисленные племена самояди, объединенные в родовые общины и занимавшиеся оленеводством и охотой.

Области по Нижней Оби, лесистые, болотистые земли по ее среднему течению, западные и восточные склоны Уральского хребта населяли угрозычные племена хантов и манси, называвшиеся в русских источниках той эпохи остяками и вогулами. Основным занятием хантов было рыболовство, дополняемое охотой на оленей и водоплавающую птицу, а также пушного зверя. Немалое значение для них имела торговля с соседними племенами, а также с русскими людьми. Торговали они главным образом рыбой, рыбьим жиром, поделками из рыбьей кожи, обменивая свои продукты на меха у соседних племен и различные металлические орудия у русских. В XV в. в первобытно-общинном строе хантов намечаются признаки его разложения, постепенно усиливавшиеся на протяжении XVI столетия. Во главе различных племен хантов закрепились родоплеменная верхушка, подчинявшая своему влиянию соплеменников и использовавшая

⁴ Там же, стр. 94—95; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 26. М.-Л. 1959, стр. 275—277.

⁵ Устюжский летописный свод, стр. 102.

войны с соседними самоедьями и манси для обогащения. В русских летописях XV в. упоминаются племенные князьки хантов, объединявшие порой под своей властью несколько племен. Наиболее сильным остяцким княжеством в XVI в. было княжество кодских хантов, расположенное на территории будущего Березовского уезда.

Племена манси, занимавшие главным образом местности по западному и восточному склонам Уральских гор, а также бассейны левых притоков Тобола, находились на несколько более высоком уровне развития, чем ханты. Главным их занятием была охота на крупного и пушного зверя, рыболовство же имело подсобное значение. Немалое место в хозяйственной жизни приуральских манси занимало бортничество. В отдельных районах племенам манси были известны примитивные формы зернового земледелия (например, в бассейне Тавды) и скотоводства, возникшего, видимо, под влиянием их южных и юго-восточных соседей — тюркских народов. Большую роль в жизни мансийских племен играла меновая торговля. Западные вогулы соседствовали с русским населением в Прикамье и в обмен на меха получали от него различные металлические орудия (в том числе и холодное оружие), ткани, соль. Хлеб и скот они выменивали у тобольских и иртышских татар. Так же, как и у хантов, родоплеменной строй мансийских народов находился в процессе разложения. Четко выделявшаяся родоплеменная знать представляла в конце XV в. немалую силу. Наиболее мощным образованием у вогулов было Пельмское княжество, в состав которого на правах фактически самостоятельного «удела» входили Кондинское княжество и земля Табары⁶.

Племенные княжества хантов и манси уже с конца XV столетия платили дань Русскому государству. Однако в стремлении распространить свою власть на зауральские земли московское правительство встретило сильное сопротивление со стороны Сибирского ханства.

Сибирское ханство выделилось из состава Золотой Орды в первой трети XV века. Основателем династии сибирских ханов был Хаджи-Мухаммед-хан, потомок одного из братьев Батая, Шейбани. По сравнению с другими татарскими юртами это государственное образование отличалось огромной территорией и особой слабостью государственного механизма. То было крайне непрочное объединение различных татарских улусов, население которых вело полукочевой и кочевой образ жизни. Зачаточные формы земледелия только начинали внедряться в экономическую жизнь страны, более или менее развитого ремесленного производства не существовало, практически отсутствовали крупные города. В XIV—XVI вв. были лишь два центра: укрепленные городки Искер (Сибирь) и Чимги-Тура (Тюмень), в разное время являвшиеся местом пребывания ханской ставки. Кроме того, местная знать, возглавлявшая отдельные улусы, имела небольшие укрепленные поселения, являвшиеся, видимо, административными и военными центрами.

Низкий уровень экономического развития местных областей ограничивал возможности эксплуатации феодальной верхушкой Сибирского ханства своих же соплеменников. Это возмещалось доходами от транзитной внешней торговли (еще в первой половине XV в. через территорию ханства проходила северная ветвь торгового пути из Центральной Азии в районы Поволжья) и главным образом прибытками от эксплуатации племен хантов и манси. На подвластные угроязычные народы сибирские ханы накладывали тяжелый ясак, взимаемый натурой (чаще всего ценными мехами), и привлекали их мужское население к участию в своих военных набегах. Сибирские правители жили войной, нападая на соседние народы. Немалые доходы имели они и от работорговли, источником которой были пленные, захваченные во время походов на окрестные племена. Впрочем, господство Сибирского ханства над местным угроязычным населением хотя и было тяжелым, никогда не отличалось длительностью и постоянством. Этому препятствовала прежде всего его внутренняя слабость. Политическая история ханства малоизвестна, но одно можно сказать твердо: главной ее тенденцией на протяжении XV—XVI столетий была междоусобная борьба татарской знати. Особенно обострилась эта борьба к началу XVI в., когда за власть боролись потомки

⁶ Об этническом составе населения Западной Сибири в это время и его социально-экономической жизни см. С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. «Научные труды». Т. III, ч. 2. М. 1955; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 1. Л. 1968.

Шейбани и представители местного татарского княжеского рода Тайбугинов⁷. К концу XV в. относятся первые дипломатические контакты Русского государства с сибирским ханом Ибаком.

Установление даннической зависимости от Руси многих племен хантов и манси встревожило ханов. Они предприняли ответные меры. В 1505 г. был совершен набег на русские земли в Прикамье, сибирские власти пытались вернуть местные племена под свою руку. В результате некоторые из них платили двойную дань. Правители Сибирского ханства имели тесные сношения с Казанским юртом, где они, как правило, поддерживали антимосковскую группу знати. Резкое обострение внутренней борьбы в Сибирском ханстве, падение Казанского ханства под ударами русских войск заставило часть знати пойти на сближение с Россией. Захвативший власть представитель рода Тайбугинов Едигер прислал в 1555 г. в Москву посольство, признавая вассальную зависимость от Ивана IV на условиях уплаты ежегодной дани соболиными и беличьими мехами. Но через восемь лет и эта в значительной мере формальная зависимость оказалась под угрозой. В 1563 г. в Искере произошел очередной переворот, и к власти пришел представитель ханской династии Шейбанидов Кучум, в течение семи лет восстанавливавший единство своего государства. Обладая независимой от дружин феодальной знати армией, набранной из ногайцев и киргизов, хитрый и деспотичный Кучум в конце концов добился поставленной цели: сломил сопротивление некоторых мурз, подавил восстание племен хантов и манси (в частности пельмского князька) и достиг стабилизации в ханстве. Однако Кучум не рискнул сразу вступить в борьбу против Руси. В 1571 г. в Москву прибыло его посольство с полной соболиной данью, заверявшее о точном исполнении договора, заключенного в свое время Едигером. Но уже тогда в его послании звучали настораживающие ноты: Кучум рассматривал возможность войны как одну из реальных для себя перспектив и глухо упоминал о различных «задорах» между подданными государств. Послы увидели столицу Русского государства в развалинах после недавнего набега Девлет-Гирея, на территории Поволжья начались волнения тюркоязычного населения. Поэтому дань сибирского хана в 1571 г. оказалась последней. В следующем году в пермских вотчинах Строгановых вспыхнули волнения местных манси, в которых приняли участие и их пельмские сородичи. Размах и сила антифеодальных волнений определялись хищническими приемами эксплуатации Строгановыми местного населения (захват его земель, грабительский характер торговли и т. п.). Резким недовольством манси и поспешила воспользоваться родоплеменная верхушка, инспирируемая сибирским правителем Кучумом в своекорыстных целях. Было умерщвлено 87 русских торговых людей, поселения Строгановых по Чусовой и Сылве подверглись опустошению. Правда, ратным отрядам Строгановых удалось настичь врага и нанести ему поражение, но урон, причиненный набегом, был велик.

В 1573 г. в камские владения Строгановых вторглись войска сибирских татар под водительством царевича Маметкула, проведавшего дорогу в Чердынь, главный центр русских земель в Прикамье. Он убил русского посла Чубукова, перебил многих местных людей, плативших дань Москве, и разорил большие районы по Чусовой. Эти события знаменовали не только прекращение вассальных отношений ханства к Русскому государству. Возникла прямая угроза ликвидации даннических отношений манси. Кроме того, направление и характер похода 1573 г. продемонстрировали явную опасность, нависшую над Великой Пермью со стороны Сибирского ханства⁸. Каковы же были позиции русских в Западном Приуралье к тому времени?

3. Великая Пермь

Земли Великой Перми, охватывавшие Печорско-Камский бассейн, в XVI в. прочно были освоены русскими. К 70-м годам территория по Каме насчитывала несколько черносошных крестьянских волостей и огромную вотчину Строгановых. Центром являлся город Чердынь на Каме, имевший, по описанию 1579 г., 290 дворов. В Чердынском уезде насчитывалось 1203 двора. Население, по этому описанию (учитывались

⁷ М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960, стр. 201—203, 204—225; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 1, стр. 353—372.

⁸ А. А. Введецкий. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М. 1962, стр. 76—84; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2. Л., 1968, стр. 26—27.

только взрослые дворовладельцы мужского пола, в отдельных дворах их могло быть несколько), составляло 1 700 человек. Меньшими размерами отличался город Соль Камская, где находилось 190 дворов. На окружавших его землях (позднее выделенных в Соликамский уезд) располагалось 160 дворов. Главными занятиями населения края были земледелие и скотоводство. «Прилагая труды к трудам», русские крестьяне секли лес и «подпаливали огнем подсеку» «сеяния ради хлебного». Большое место занимало скотоводство, на что указывает громадное количество сена, собиравшегося в Чердынских землях (более 28 тыс. копен). Существенную, хотя и подсобную роль играли в занятиях населения рыболовство и охота. В первой половине XVI в. возникает добыча соли (первоначальный центр — Соль Камская). Этот суровый, но отзывчивый на упорный труд край не только давал необходимые средства к жизни черносошному крестьянскому населению, но и служил базой снабжения продуктами пашенного земледелия и произведениями мелкого ремесленного производства (прежде всего кузнечного) соседних угрозычных племен. На этой основе Чердынь к 50-м годам XVI в. стала одним из важных в стране центров торговли мехами. Ханты и манси приезжали с предуральских и зауральских земель для обмена ценной пушнины на русские товары. Жители Чердыни, в свою очередь, отправлялись в торгово-промышленные экспедиции на Тюменский волок, к водоразделу между притоками Камы и Тобола⁹.

Особое место в русском Прикамье занимали владения Строгановых. Эти известнейшие и состоятельнейшие купцы, огромные богатства которых зиждились на добыче соли (в Сольвычегодске) и оптовой торговле солью, мехами, хлебом, металлическими изделиями и тканями, сразу почувствовали перспективы быстро растущего края. Еще в первой трети XVI столетия они прочно укрепились на прикамских берегах (хотя главный центр их владений и оставался в Сольвычегодске), но особый размах их деятельность приобрела с середины века. В 1558 г. правительство Ивана IV жалует А. Строганову с сыновьями обширные районы «по обе стороны по Каме до Чусовые реки», охватывавшие не только земли по Каме, но и по её притокам — Яйве, Чусовой, Сылве, верховья которых находились на Уральском хребте, откуда и открывалась дорога в Сибирь. Первым центром их прикамских владений стал вотчинный городок Кардеган (Орел-городок), расположенный в нескольких десятках верст от Соли Камской. Затем осваиваются бассейны Чусовой и Сылвы. В пределах пожалованных им земель Строгановы обладали всей полнотой прав привилегированных феодальных собственников. Местная администрация не имела права въезда и суда над населением строгановских вотчин, пришлое население освобождалось от государственных налогов на известный срок, впоследствии сбор и доставка налоговых поступлений должны были осуществляться самими Строгановыми, торги на их землях объявлялись беспошлинными. К 1574 г. в Пермской вотчине Строгановых числились 1 городок, 39 деревень и починков с 203 дворами, 1 монастырь (Пыскорский), а в 1579 г. они владели 4 слободами, 39 деревнями и починками с 352 дворами. Крестьяне и мастера-умельцы «дворы ставили, пашни распахивали, пожни расчищали, в реках и озерах рыбы ловили», а где обнаруживался соляной «рассол», «там варницы ставили, и соль варили, и трубы соляные и кладези делали, и дрова секли к соляному варению». В 1579 г. только под Орлом-городком насчитывалось 7 действующих и 6 пустых варниц. В 70-е годы в Пермской вотчине Строгановых развивается добыча железа и мелкое ремесленное производство¹⁰. Рубились не только дворы, но стены и башни крепостей-городков, сторожевых вышек. Городки-крепости — Канкор, Кардеган, Яйвенский, Нижний и Верхний Чусовские, на Сылве — прикрывали строгановскую вотчину. Особыми правительственными пожалованиями Строгановым разрешалось набирать в свои крепости «воинских людей». Каких размеров могла достигать их вотчинная рать, можно судить на основании разряда 1572 г., согласно которому три сына Аники Строганова выставили на Оку отряд в 1 тыс. казаков с пищальми¹¹.

Освоение Прикамской области к 60—70-м годам XVI в. не только создало прочную основу для закрепления этого района в составе Русского государства и давало

⁹ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 456—459, 462—464.

¹⁰ А. А. Введенский. Указ. соч., гл. 1—2; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 460—462.

¹¹ В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 175.

мощный импульс для дальнейшего развития экономических сношений с народами Урала и Зауралья, но и могло служить базой для освоения Западной Сибири. Действия Кучума ставили преграду этому процессу. Правительство Ивана IV с тревогой отнеслось к известию русского посла в Крыму Е. Ржевского, сообщавшего осенью 1577 г. о посольстве Кучума к крымскому хану. Послы из Сибири просили военной помощи в виде пушек, мотивируя это необходимостью защиты от действий московского царя¹². Однако русских походов в Зауралье (насколько можно судить по сохранившимся источникам) тогда не было, появление же «наряда» у войск Кучума грозило всем русским крепостям в Великой Перми. Правда, крымский хан отказал на этот раз в требуемой помощи, но никаких гарантий, что он так же поступит в будущем, не было. В любом случае сообщение Е. Ржевского лишней раз подтверждало враждебные намерения сибирского правителя.

В этих условиях московское правительство предприняло ряд ответных мер. В 1574 г. по особой грамоте сфера деятельности Строгановых расширилась в Зауралье («на Тахчеи»), где им разрешалось ставить укрепления с гарнизонами. Трудно сказать, имело ли в виду правительство Ивана IV широкую наступательную акцию против Кучума. Скорее всего предполагалось иное. Подобные меры были призваны удержать за Москвой племена манси и хантов, ее старых данников, и не затрагивали непосредственно земель Сибирского ханства. Крупного столкновения с последним Иван IV вполне резонно мог опасаться, поскольку военные силы страны концентрировались тогда на западной и южной границах. Активно-оборонительные действия и должны были предупредить возможность большой войны с Кучумом. На первый план выдвигалась защита Прикамского района, которая осуществлялась совместными усилиями отрядов чердынских воевод и крепостных гарнизонов строгановских вотчин. К подобным же мероприятиям правительства следует отнести и появление во владениях Строгановых на Каме казачьих отрядов Ермака¹³.

4. Ермак берет пищу

Нет в русских народных исторических песнях XVI — первой половины XVII в. более любимого героя, чем Ермак. С его именем связано огромное количество песенных сюжетов, начиная от борьбы с крымскими татарами и молодецкими походами по Волге и кончая героическим походом в Сибирь. Именно этот факт и был отправной точкой для прославления личности Ермака в народном фольклоре. Сохранившиеся исторические источники не дают точного ответа на вопрос о его происхождении. Несомненно, пожалуй, одно: в тот момент, когда мы застаем его на арене исторического действия, Ермак был атаманом волжских казаков, человеком опытным и чрезвычайно искусным в ратных делах. «Сказание о Сибирской земле» (известное по сборникам XVIII в., но отразившее, возможно, рукописную традицию XVII в.) сохранило сочинение под названием «О Ермаке, откуда он родом». В нем утверждается, что дед Ермака (А. Г. Аленин) был суздальским посадским человеком, «сшедшим от голода» во Владимир и кормившим семью извозом. Пойманный вместе с разбойниками и посаженный с ними в тюрьму (он был у них «в найму в подводах»), дед Ермака сумел бежать. После его смерти сыновья Родион и Тимофей «сошли на Чусовую в вотчины Строгановых». Сын Тимофея Василий отличался силой, был «велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и приобрел себе дружину малую... и от них звался атаманом, прозван Ермаком»¹⁴. Некоторые историки полагают, что в этой версии отражены реальные факты¹⁵. Большинство исследователей не считали это сочинение достоверным, резонно указывая на хронологические противоречия и стилистические особенности рассказа. Но даже если не принимать этот рассказ за подлинную биографию Ермака Тимофеевича, то показа-

¹² ЦГАДА, ф. Сношения России с Крымом, кн. 15, л. 23. Приносим глубокую благодарность Б. Н. Флоре, сообщившему нам этот факт.

¹³ Так, в частности, оценивает характер действий московского правительства А. А. Преображенский (А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. Докторская диссертация).

¹⁴ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 88.

¹⁵ Там же, стр. 89—90.

тельно осмысление его жизни глазами народа. Это типичная судьба незаурядной личности, вышедшей в XVI в. из народных низов, когда резкие социальные потрясения выбрасывали наиболее деятельных и смелых людей за рамки привычной жизни, а сложность международных отношений и мощный колонизационный поток трудового люда на восток и на юг открывали перед ними обширное поле деятельности.

Если собрать все книги, брошюры и статьи, в которых описывается поход Ермака в Сибирь, его взаимоотношения со Строгановыми и царским правительством, то получится большая библиотека. И тем не менее трудно будет найти полностью совпадающие точки зрения как на хронологию движения рати казаков в Сибирь, так и по вопросу об удельном весе роли правительства, Строгановых и казаков Ермака в деле присоединения Сибири. И если спорность хронологии похода объясняется скудостью и крайней противоречивостью сохранившихся исторических источников (прежде всего сибирских летописей), то дискуссионность второй проблемы во многом связана с неодинаковым пониманием характера процесса освоения новых территорий феодальной Россией¹⁶.

Несколько слов по второй проблеме. Несомненно, что такой огромный по масштабам процесс, как освоение Сибири, не мог протекать без помощи и руководства со стороны официальных властей. Необходимые для него материальные ресурсы были очень велики, черпались они с большого числа уездов севера и востока страны и не могли быть собраны без помощи правительственной администрации. Однако тот факт, что правительство взяло под непосредственный контроль дело присоединения Западной Сибири во второй половине 80-х годов XVI в., вовсе не предвещает ответа на вопрос: по инициативе ли правительства Ивана IV был предпринят поход Ермака с заранее поставленной целью сокрушения Сибирского ханства? Точно так же значительная роль Строгановых в материально-финансовой подготовке похода Ермака вовсе не свидетельствует, что именно им принадлежит заслуга определения таких широких задач, как разгром государства Кучума. Возвеличивание и роли правительства и значения деятельности Строгановых происходило уже задним числом, когда блестящий успех Ермака стал очевидным¹⁷. В реальности же дело обстояло, видимо, иначе. Ни центральное правительство, ни Строгановы не могли предполагать такой внутренней слабости ханства Кучума. Действия Кучума в 1572—1573 гг., известия о его попытках получить артиллерию, а также набег родоплеменной верхушки Пелымского княжества на Прикамье в 1581 г. скорее говорили о силе Кучума и инспирируемой им местной знати. В тяжелых условиях последних лет Ливонской войны не могло быть и речи о концентрации значительных вооруженных сил на восточных границах Русского государства. В создавшейся ситуации и для правительства и для Строгановых главным было сохранить русские позиции в Прикамье, максимум же их стремлений исчерпывался восстановлением даннической зависимости некоторых мансийских и хантских княжеств. Подобные активно-оборонительные цели и ставились перед Ермаком, что заметно на первоначальном этапе его похода. Решение же о борьбе с самим Кучумом,

¹⁶ Историографические работы по этому вопросу: В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М. 1960; его же. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово. 1963; его же. Историография Сибири. Первая половина XIX века. Кемерово. 1965; В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. «Вопросы истории», 1959, № 1; его же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». Сборник статей. М. 1967; В. И. Дулов. Когда началось присоединение Сибири к России? «Известия» Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1964. Вып. 2; З. Я. Бояршинова. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск. 1967, стр. 38—49; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, гл. 1; А. А. Введенский. Указ. соч.; А. А. Преображенский. Указ. соч., гл. 1.

¹⁷ В Строгановской летописи, составленной не ранее 20-х годов XVII в., особенно подчеркиваются заслуги этой фамилии. В дипломатической переписке правительства во царя Федора постоянно колебалось между признанием ведущей роли правительства в деле присоединения Сибири и полупризнанием самостоятельной и активной деятельности казаков (А. А. Преображенский. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. «Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М.-Л. 1964, стр. 383—390).

сокрушение его господства, надо думать, принадлежало скорее казакам (в первую очередь Ермаку) и было принято во время похода. К сказанному добавим, что для истории России вообще характерно, что правительственная и частная феодальная колонизация идут вслед и на основе народного освоения новых земель. Для Сибири специфика заключалась в том, что предварительным условием народного освоения огромных зауральских пространств было уничтожение хищнического и деспотического военного господства верхушки Сибирского ханства над местным населением. Этот героический подвиг в тяжелейших природных условиях и выполнила мужественная рать Ермака.

5. Поход

Когда же и как проходил поход Ермака?¹⁸ Приглашение и прибытие дружин волжских казаков под водительством Ермака в Пермскую вотчину Строгановых надо, видимо, отнести к 1577 или 1578 году¹⁹.

В сентябре 1578 г. начался первый поход Ермака в верховья Сылвы против отрядов местной враждебно настроенной родоплеменной знати. В походе были проверены ратные качества его участников, налажена необходимая дисциплина. Весной 1579 г. отряд Ермака спустился по Сылве на Чусовую и, взяв у Максима Строганова необходимый запас на «Усть-Чусовой», 12 или 13 июня «поидоша по Чусовой до Тагильского волока з боем». В рати насчитывалось более 1 600 чел. (по другим данным — 840 чел.)²⁰.

Экспедицию сначала преследовали неудачи: «потеряв вожей (проводников.— В. Н.)-зырян», дружина Ермака прошла мимо устья р. Серебрянки и только к осени, вернувшись к ней, поднялась в ее верховье. Здесь, оставив тяжелые суда, казаки перетасили легкие струги в р. Тагил. На Тагильской переволке Ермак зазимовал, подчиняя «окрестные улусы вогулич». 1 мая 1580 г. рать Ермака по водополью отправилась вниз по Тагилу и Туре. Первое крупное столкновение с «невоистыми людьми» князя Епанчи окончилось после трехдневного сражения полной победой казаков. Все лето дружина Ермака «неспешно» продвигалась по Туре, заняв 1 августа Чимги-Туру (Тюмень). Тут рать расположилась на новую зимовку. Зимние месяцы оказались очень трудными: казаки умирали от цинги и «недуга чрева». 9 мая 1581 г. экспедиция двинулась дальше, вниз по Туре «со всяким искусом неспешно». В этот момент казаки захватили в плен дворецкого Кучума Кутагая, собиравшего тяжелый ясак с местного населения. Ермак наградил его и отпустил, продемонстрировав стрельбу казаков из пищалей и передав дары для Кучума. Опережая поход казаков, разносился слух о благородстве Ермака, об огненных невидимых стрелах, которыми якобы вооружены его ратники. Прорвав засаду войск Кучума у устья Туры, казаки появились на водных просторах Тобола 8 июня. В этом же месяце произошло два сражения, из которых особенно упорным было трехдневное столкновение у Караульного яра, где дружинники пробивались сквозь большой заслон войска Кучума. Силы рати Ермака таяли, боеприпасы кончались, и у устья Тавды казаки долго решали вопрос о возможности возвращения вспять Тавдою, через Камень. Новое сражение произошло 8 июля, а 26 числа после пятидневного жестокого боя, доходившего до рукопашной схватки, когда «кони по чрево бродили в крови», казаки вновь одержали победу над воинством царевича Мамет-

¹⁸ В описании похода Ермака мы основываемся на статье В. И. Сергеева «К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака».

¹⁹ К аргументам В. И. Сергеева на этот счет можно добавить следующие. Согласие правительства на переход казачьих отрядов в Камскую вотчину Строгановых вряд ли могло быть получено в 1579 или 1580 гг., когда успехи Батория на западных рубежах страны и кризис в русской полевой армии настойчиво требовали полной мобилизации всех военных сил. В таких условиях правительство скорее постаралось бы использовать и привлечь казачьи дружины для действий на западном фронте (как, в частности, оно использовало отряды донских казаков в 1580—1581 гг. и вольных казаков на крайнем северо-западе страны). Наоборот, в 1577 и 1578 гг. (до наступления Батория) положение России в Ливонии расценивалось как прочное, а, следовательно, правительство могло санкционировать приглашение Строгановыми Ермака на Каму. Во-вторых, именно в 1577—1578 гг. к этому могло побуждать Ивана IV и цитированное выше известие русского посла в Крыму о намерении Кучума пополучить артиллерию.

²⁰ В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака, стр. 122—124.

кула. Однако впереди казаков ожидали свежие силы Кучума, и 1 августа рать Ермака повернула назад и поплыла вверх по Тавде. Именно тогда, после первых военных столкновений с войсками Кучума, когда стала ясной его непопулярность среди местного населения, и было, по-видимому, принято решение о бескомпромиссной борьбе с ним. Но истощение боеприпасов воспрепятствовало дальнейшему продвижению казаков. Поднявшись по Тавде до Пельымского княжества, Ермак узнал, что пути «за Камень в Русь» нет. Приближалась осень, нужно было выбрать место для зимовки. Вновь спустившись по Тавде, казаки заняли городок Карачин с большими запасами.

Наступило лето 1582 года. Ермак не трогался с места стоянки, ожидая возвращения с подкреплениями и боеприпасами «своего сверстника» Ивана Кольцо, посланного еще осенью первоначальным маршрутом к Строгановым с собранным ясаком. Напуганный победами казаков, Кучум не предпринимал активных действий, перекрыв только дороги к их стоянке. 14 сентября, после того как вернулся с пополнением в 300 чел. и боеприпасами Иван Кольцо, дружина вплыла в Тобол, а затем из его устья направилась вверх по Иртышу и захватила Атинский городок. Этот городок сразу же окружило огромное скопление кучумовых ратников. 1 октября произошел бой, в котором пало много татарских воинов. Казаки попытались захватить «Чувашский град», расположенный на горе. Попытка не удалась. Дружинники Ермака несколько раз возобновляли штурм, пока 23 октября не началось решительное сражение. В трехдневном бою казаки наголову разбили воинство Кучума. Большую роль в победе Ермака сыграл уход от Кучума «низовых остяков князьков» и вогулов. Сам хан бежал, покинув свою столицу. 26 октября казаки вступили в Искер, найдя там «имения и богатства множества и хлеба»²¹.

В последующие дни и недели к Ермаку потянулись местные племена с изъявлением подданства. Их отношение к казакам было столь доброжелательным, что последние далеко не всегда принимали необходимые меры по охране. Этим и воспользовался Кучум. 5 ноября казаки, ловившие рыбу на Абалацком озере, были ночью истреблены отрядом Маметкула. Погоня за этим отрядом увенчалась успехом, и дружина царевича была почти полностью уничтожена. В декабре 1582 г. Ермак снова отправляет Строгановым отряд казаков с собранным ясаком. Те чуть ранее получили от царя «опальное» послание. «Избывая опалы», Строгановы, видимо, переправили депутацию казаков с ясаком к Ивану IV. После этого они уже не играли активной роли в присоединении Сибири.

Конец 1582 г. и 1583 г. проходил в успешном закреплении за Русским государством племен манси, хантов и татарских улусов. В феврале 1583 г. казакам удалось пленить царевича Маметкула, а весной население по Нижнему Иртышу и более отдаленных районов признало русское подданство. Из Москвы с вернувшимися казаками пришло царское «жалованное слово». Однако к 1584 г. положение дружины ухудшилось. У казаков на исходе были продукты и боеприпасы. Они не хотели тяжелым обложением восстанавливать против себя местное население и надеялись на присылку продовольствия и боевого запаса из Москвы. В ноябре 1584 г. прибыл к Ермаку правительственный отряд в 500 чел. под командованием князя С. Болховского и И. Глухова. Собранный с большой поспешностью, отряд был плохо подготовлен для сибирских условий и недостаточно хорошо экипирован. Зимой 1584—1585 г. в Искере разразился голод. Умер С. Болховский, от голода погибали ратные воины, и дело дошло до того, что казаки «понудитися и тела человеческие ясти». В марте городок был осажден дружинами татарских феодалов «до пролетья», отчего гарнизону «пришла многая гибельная поруха». Только ночью 9 мая дружине Ермака удалось наголову разбить эти войска. К лету голод кончился, в первую очередь благодаря добровольной помощи местного населения, но силы русской рати были истощены. В Москву был отправлен отряд за помощью. В ночь на 6 августа погиб Ермак. Выступив с небольшим отрядом казаков для перехвата отрядов Кучума, которые намеревались разграбить караван купцов, идущий из Бухары (это известие оказалось ложным), он был тяжело ранен во время коварного нападения на ночевку казаков у р. Вагая и утонул в его волнах. 15 августа оставшаяся часть ратников двинулась на Русь, так и не дождавшись помощи. Доплыв до низовьев Оби, они Печорским путем вернулись в

²¹ Там же, стр. 125—127.

Россию. Две недели спустя в опустошенный Искер прибыл московский отряд Ивана Мансурова в 100 чел., который двинулся вслед за дружиной Ермака, но не успел пройти до ледостава. Против устья Иртыша на Оби отряд срубил «град деревян» — первый городок служилых людей в Западной Сибири (Обский городок)²².

Поход дружины Ермака не привел непосредственно к присоединению Западной Сибири. Оно произошло на протяжении последующих 10—15 лет силами правительственных отрядов. Но казаки и Ермак совершили самое важное: результатом их беспримерного мужества, воинского умения, твердой решимости был разгром Сибирского ханства — главного препятствия на пути освоения зауральских земель русскими людьми. Огромная заслуга принадлежит лично Ермаку, чей проницательный ум, недюжинные организаторские способности сыграли большую роль в успехе кампании.

Показательно в этой связи и другое. Если официальные сочинения и документы XVII в. пытаются представить Ермака и его деятельность в искаженном свете («избывая свои вины» перед правительством, он завоевывает Сибирь, обуреваемый настойчивым стремлением распространения христианства и власти царя), то совсем иначе оценивается он в песенном наследии и произведениях, испытавших воздействие казачьего фольклора и преданий (в частности, в Кунгурском летописце). В них Ермак выступает вождем казачьей вольницы, хорошо сознающим свою силу, угрожающим расправой Строгановым и независимо ведущим себя перед царем. И что характерно: в сознании народа наградой Ермаку и его дружине за сибирский поход было пожалование «вольного, славного, тихого Дона». Так неумирающая народная мечта о свободных от всякого насилия и всяческих неправд землях, являвшаяся мощным стимулом ухода простого люда на новые территории, преломилась в данном конкретном случае. Оценивая деятельность Ермака, К. Маркс писал: «Последний монгольский царь Кучум... был разбит Ермаком. ...Так была заложена основа азиатской России»²³.

6. Начальное освоение Западной Сибири

Используя результаты похода Ермака и его умной политики по отношению к местному населению, московское правительство переходит к закреплению западносибирских земель. Весной 1586 г. там появился третий правительственный отряд, в 300 чел., под командованием воевод Сукина и Мясного, основавших на берегу Туры на месте старого татарского укрепления Чимги-Туры город Тюмень. Расположение новой крепости позволяло контролировать обширные районы по Туре, Исети, Пышме и Среднему Тоболу, татарские улусы которых стали ясачными данниками московского царя. К тому же Тюмень находилась на древней караванной дороге из Средней Азии в Поволжье. Поняты поэтому быстрый рост города. Сформированный из ратников Сукина и Мясного отряд под командованием Д. Чулкова в 1587 г. заложил недалеко от Искера на высоком берегу Иртыша против устья Тобола новую крепость — Тобольск. Совместные действия остатков казачьих дружин Ермака и стрельцов Мансурова против татарских отрядов Сейдяка окончились полной победой русских.

Пребывание даже небольших гарнизонов в сибирских крепостях требовало безопасного и удобного пути сообщения с ними. Маршрут, по которому двигались в Сибирь казачьи отряды Ермака, был слишком трудным. Официальной дорогой становится с 1590 г. (по другим известиям — с 1589 г.) Чердынско-Лозьвинский путь, шедший по притоку Камы Вишере, а затем Лозье, Тавде и Тоболу. На этом пути в том же году была основана крепость Лозьвинский городок, до которой добирались санью путем, ожидая до весны навигации. Однако путь по Тавде оказался небезопасным из-за пельмского князька Аблагирима, недружественно настроенного к московскому правительству. К нему присоединились и некоторые местные князьки. Угроза нападения орд не прекратившего борьбы Кучума с юга, враждебные действия некоторых пельмских владетелей на основной артерии, питавшей русские гарнизоны продовольствием, боеприпасами и людьми, заставило правительство резко увеличить свои усилия в освоении Зауралья.

²² Там же, стр. 127—129. По другим сведениям, остатки казачьей дружины встретились с отрядом Мансурова и вместе с ним зазимовали в Обском городке. «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, стр. 30—31.

²³ «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 166.

В 1593 г. отряд Н. В. Траханиотова (300 стрельцов и казаков, 150 плотников, даточных людей с Вятки, из Перми, Выми и от Соли Вычегодской) отправился вниз по Иртышу и Оби, основав крепость Березов и закрепив тем самым волости хантов по течению Оби. Осенью того же года под власть русских воевод перешли земли мансийских племен в Конде. Наконец тогда же потерпел поражение наиболее яростный враг России, пельымский князек Аблагирим в результате экспедиции отряда П. И. Горчакова.

В дальнейшем закрепление земель, попавших в русское подданство, и присоединение новых шло быстрыми темпами. Огромную роль в этом сыграла помощь со стороны местного населения, особенно приобских хантов. Сравнительно большой контингент служилых ратных людей в Сибири, поддержка их действий со стороны исконных местных племен позволили вести операции одновременно в разных направлениях. Особое значение приобретало движение вверх по течению Оби и Иртыша. В 1594 г., когда отряд служилых людей под командованием князя Ф. П. Барятинского и В. Аничкова вместе с ратными людьми из Березова и воинами из кодских хантов двинулся по Оби вверх от места впадения в нее Иртыша, князек Бардак (владелец одноименного хантского княжества) добровольно принял русское подданство и оказал серьезную помощь в постройке крепости. Так возник при впадении в Обь р. Сургутки город Сургут, ставший административным центром хантских поселений по Оби в среднем ее течении. Крепость являлась форпостом в дальнейшем продвижении на юг, в область Пегей орды (так назывался союз селькупских племен в Приобье), властитель которой Воня сочувственно относился к Кучуму. Для предотвращения возможного союза сургутские служилые люди основали Нарымский острог, а затем был заложен Кетский острог.

Еще большим размахом отличалось движение вверх по Иртышу. Экспедиционный отряд во главе с воеводой князем А. В. Елецким насчитывал свыше 1 500 чел. и состоял из служилых людей Тюмени, Тобольска, Уфы, Казани. На службу были направлены даточные люди из башкир, свияжских татар и др. Летом 1594 г. закончили работы по сооружению новой крепости Тары, располагавшейся недалеко от впадения в Иртыш реки того же названия. После этого татарские улусы по Иртышу от Тобола до реки Тары приняли русское подданство, что нанесло сильный удар по Кучуму, данщики которого силой оружия собирали ясак в этих районах. Главная задача новой крепости заключалась в охране Прииртышья от притязаний кочевников и окончательном разгроме кучумовских отрядов. Постоянные удары тарских воевод медленно, но неуклонно сокращали территорию, подвластную Кучуму. В 1597 г. ему было предложено закончить военную борьбу с Россией и принять русское подданство. Правительство обещало закрепить за ним кочевья по Иртышу. Но Кучум не желал прекращения войны и готовил крупный набег на русские поселения и крепости, ведя переговоры с Ногайской ордой и Бухарским ханством. Русские воеводы упредили его. Укомплектованный русскими ратниками и служилыми татарами из Тары, Тобольска и Тюмени, отряд вышел в поход в августе 1598 года. После нескольких небольших стычек русские воины неожиданно напали на главную стоянку Кучума (возле устья р. Ирмень). Ставка Кучума была разгромлена, члены его семьи попали в плен, в бою погибли десятки приближенных к Кучуму лиц и свыше 150 его воинов, много его ратников утонуло, но самому Кучуму удалось бежать. Различные источники по-разному освещают дальнейшую судьбу хана, но с политической арены Сибири он исчез.

Окончательное поражение Кучума произвело огромный политический эффект. В русское подданство перешли чатские татары, татарское население Барабы. С далекой реки Томи прибыл в Москву зуштинский князек Тоян, обратившийся с просьбой к царю Борису Годунову взять под защиту землю томских татар и поставить в ней крепость, обещая военную помощь в действиях против соседних тюркоязычных групп. В 1604 г. состоялась экспедиция во главе с Г. И. Писемским и В. Ф. Тырковым, в которую входили служилые дети боярские из Тобольска, Тюмени, пельымские стрельцы, тобольские татары и кодские ханты. К концу сентября на высоком берегу Томи белели стены и башни новой крепости — Томска, контролировавшей земли по Верхней Томи, Средней Оби и Чулыму. В начале XVII в. Томск был самым восточным городом России. На севере Западной Сибири в 1595 г. в низовьях Оби был поставлен городок Обдорск, а к 1601 г. относится закладка Мангазеи (в Тазовской губе) на месте, где

давно уже располагались зимовья промышленников из Поморья. В 1607 г. на Енисее был построен Туруханск (Новая Мангазея)²⁴.

К концу 90-х годов XVI в. был определен наиболее выгодный путь в Сибирь, проведанный еще в 1595 г. сольвычегодским посадским человеком Артюшкой Бабиновым. Он сокращал вдвое дорогу на Тюмень и вел к верховьям Туры. В связи с этим Вишерско-Лозьвинский путь был закрыт, а на новом тракте возникает крепость — Верхотурский городок (1598 г.), являвшийся в XVII в. «главными воротами» Сибири²⁵.

Одновременно с распространением государственной власти на территории Западной Сибири, проводимым руками детей боярских, служилых казаков и стрельцов, началось освоение крестьянами Сибири. По собственной воле или по распоряжению правительства отправлялись на новые земли земледельцы из многих районов страны. В 1593 г. при строительстве Пельма «на житье» в нем оставались крестьянские семьи из Каргополя, Вятки, Перми. Туда же были переведены и опальные жители Углича с семьями. Один крестьянин из далекого Ржевского уезда пожелал переселиться в Сибирь добровольно. Уже к 1593 г. появились в Сибири беглые крестьяне. В дальнейшем требование «заводить пашню» стало обязательным при основании новых крепостей. В 1598 г. при закладке Верхотурья туда было переведено из Казани 55 семей крестьян и 6 семей ямщиков. В дальнейшем это число должно было вырасти до 100 человек²⁶. Наказ 1593 г. пельмскому воеводе Горчакову предусматривал перевод 20 семей крестьян-переведенцев с полным хозяйственным «запасом». 29 переведенцев отправлялись в путь с необходимыми орудиями и средствами к жизни, но без семей. «Завод пашни», участие в рыбном и охотничьем промыслах (с целью добычи пушнины) ложились, однако, не только на плечи крестьян. Все служилые люди по прибору, казаки и стрельцы, пушкарки и воротники, ямщики участвовали в хозяйственном освоении бескрайних сибирских просторов. Тяжкий ратный труд, строительство новых крепостей, добывание необходимых продуктов питания — таков круг обязанностей и забот рядового служилого человека в Сибири. Немногочисленные оставшиеся в живых сподвижники Ермака, вернувшиеся в Сибирь уже с правительственными отрядами, продолжали начатое ими дело. Вот характерный документ — челобитная конного казака Г. Иванова 1623 г. царю Михаилу Романову. В ней он довольно подробно излагает свои предшествующие службы, подчеркивая, что его служба в Сибири ведет отсчет с похода Ермака и продолжается непрерывно уже 42 года. Г. Иванов участвовал в основании Тюмени, Тобольска, Пельма, Тарской крепости и Томска²⁷.

Русские посадские люди и крестьяне — вот основной контингент, из которого черпалось пополнение для служилых приборных людей в далеких сибирских городах. Возьмем, например, судьбу Алексея Фролова. Его дед и отец были жителями Переяславля-Залесского, участвовали во взятии Казани в 1552 г. и были оставлены там в качестве стрельцов. Сам Алексей стрельцом участвовал во многих походах Ливонской войны, в 80-х годах — в построении городов в Поволжье (Самара, Уржум, Царевосанчурск), а в 1594 г. был участником основания крепости Тары. В 1598 г. он был включен в отряд Янова при строительстве Верхотурья, где сначала «пахал... наймучи великою нужею государеву пашню», а затем был переведен в пушкарки, «поставив за себя» на пашню «пришлого человека». В пушкарях Фролов прослужил 16 лет²⁸. В освоении Сибири принимало участие население многих уездов страны. В поручной записи стрелецкого десятка 1593 г. (отправлявшегося на службу в Пелым) перечисляются жители Перми, Галича, Москвы, Устюга, Поморья (разных волостей). Народные массы не только были единственным источником пополнения «приборного» военно-слу-

²⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 86—92, 145—147; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, стр. 31—37; В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.

²⁵ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 105—106; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, стр. 37; В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов, стр. 178.

²⁶ «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, стр. 33, 37.

²⁷ «Русская историческая библиотека». Т. 2. СПб. 1875, № 130, стб. 400—402.

²⁸ «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1909, кн. 4, смесь, стр. 5—8.

жилого и крестьянского населения Сибири. Именно на их плечи легла также главная тяжесть материального снабжения сибирских городов и поселений. Жители Севера и Великой Перми были обязаны поставлять «сибирские хлебные запасы», которые и перевозились ими самими до первых сибирских городов. Вообще переправка в далекую Сибирь всякого снаряжения и припасов проходила с помощью черносошного крестьянства востока и северо-востока страны. Наконец поморские и пермские промышленники активно участвовали в пушном промысле на сибирских землях.

Успехи хозяйственного освоения западносибирских пространств стали отчетливо заметными уже в начале XVII века. Во многих местах быстро росла площадь окультуренных трудом русских людей земель, в охоте и рыболовстве применялись более эффективные орудия и методы, в первых сибирских городах начинало постепенно развиваться мелкое ремесленное производство, широким потоком устремились в Сибирь русские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Значение этого факта быстро оценило местное население. В различных челобитных начала XVII в. представители манси и хантов подчеркивали, что они покупают «у русских хлебец и на весь год... платьешко». Манси, жившие по Сосьве и Лозьве, сетовали на отсутствие в ближайшей округе русских поселений, отчего им не у кого приобрести хлеб и сукна. Местные племена в обмен на пушнину получали не только продукты питания и ткани, но и лошадей, орудия труда (топоры, ножи и т. д.), некоторые виды оружия²⁹.

Что же влекло русский трудовой люд в Сибирь? Чем объяснить его уход с насиженных и обжитых мест на новые земли, порой в тяжелейшие условия жизни? Конечно, не стремление к наживе и не жажда обогащения (как было то у Строгановых и других купцов) подталкивали казаков, крестьян и посадских людей к движению за Урал. Судьба первопроходчиков (казаков дружины Ермака и участников первых правительственных отрядов) свидетельствует об этом. В 20-х годах «старые служилые тобольские люди», жившие в Сибири «лет по сороку и больше», получили от правительства «щедрую» награду: в Тобольске для них было разрешено поставить богадельню и на содержание каждого из них казна «милостиво» отпустила по 2 четверти ржи в год (то есть 12 пудов: меньше, чем получал хлебного жалованья иной пономарь). Но и такой жизненный финал не всегда ожидал первопоселенцев и первопроходцев. Многие из них из-за «увечья, ран, убожества» или по причине слепоты («очьюми обнищали») постригались в монахи. Подобные невольные, а вовсе не от богатств или больших наград, чернцы из ермаковой рати находились в Знаменском монастыре, где их существование было еще тяжелее³⁰.

Дело в том, что ухудшение экономических и социальных условий в центре страны являлось тем фактором, который вызвал движение трудового народа за Урал. Рост крепостничества, усиление эксплуатации в деревне и городе стимулировали бегство крестьян и посадских людей на не освоенные еще земли. Как раз Сибирь и стала одним из направлений таких побегов, причем уже с конца XVI века. В поисках лучшей жизни уходили туда посадские люди и крестьяне, стрельцы и казаки, ямщики и «промышленные люди», своим трудом и упорством обживая и укрепляя ее далекие и бескрайние просторы. Это сказалось и на особенностях исторического развития Сибири. Она была одним из тех районов, где крепостнические порядки, господствовавшие в Русском государстве XVII—XIX вв., так и не сумели закрепиться. Вольнолюбивые традиции служилых русских людей и крестьян долго сохранялись там. Казаки отстаивали свою автономию и права, считая себя «честью» не ниже детей боярских, представителей господствующего класса. Те формы притеснений, которые давно уже стали нормой в деятельности служебной администрации в центре страны, постоянно оборачивались в сибирских городах большими неприятностями прежде всего для самих воевод. А с конца XVI в. закладывается первая база для совместных классовых выступлений русского и нерусского трудового люда в Сибири против правительства и Строгановых³¹. Начался новый этап в истории этой области.

²⁹ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 96.

³⁰ А. А. Преображенский. Указ. соч. Гл. 1, § 4.

³¹ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 99 и далее.